

шествился по воле бога и святых мучеников — они отвергли его мысль. Святополк не очень почитителен к святым князьям, он сопротивлялся перенесению их мощей в новую церковь, руководимый низкой завистью, что не он, а Олег достроил храм чудотворцев. Непосредственно следующий за этим рассказ о смерти Святополка и киевском восстании легко мог быть истолкован читателем как прямой намек на то, что восстание — кара Святополка волей святых князей. В этом суждении Лазарь был не одинок. В Печерском монастыре даже нападения половцев и другие несчастья объясняли божьей карой за беззаконие Святополка. «Много насилия людемь сътвори Святополк, домы силных до основания без вины искоренив, имени многих отъем. И сего ради попусти господь поганым силу имети над нимь, и быша брани многы от половець. К сим же и усобица бысть в та времена, и глад крепок, и скудета велиа при всем Рускою земли. . .».¹⁴¹ Все беды — от Святополка. Лазарь добавляет, что это за его неправду на голову социальных верхов и церкви обрушился страшный мятеж народа. Неправедный Святополк, идущий по греховному пути Святополка старого, — виновник нарушения социального мира. Социальное зло персонифицировано и осуждено.

Вместо идеи Нестора о подчинении старейшему князю, даже если он явный злодей, в «Сказании» выступает право осуждения старейшего, если он творит беззаконие. Право на княжеский стол имеет наиболее справедливый князь. Это — позиция и третьей редакции Повести временных лет, составлявшейся почти одновременно со «Сказанием» Лазаря.¹⁴² Так, на место умершего плохого князя на киевском столе сел князь хороший — Владимир Мономах. Это объяснение было на уровне «царистской» идеологии патриархального крестьянства, пронесшего ее через всю историю своей борьбы с феодальным гнетом: зло не в системе феодального строя, а в плохом князе. Даже в белозерской глуши восставшие в 1071 г. смерды верили в правосудие далекого владыки Святослава, видимо, представляя его еще в образе патриархального старейшины.

Лазарь поддерживает и закрепляет это заблуждение. Он дает читателю понять, что Владимир вообще лучше всех своих братьев. Вот Святослав думал, что коготь от руки Глеба, случайно отломившийся, пока он тер ею свою голову, — проявление благоволения к нему святого князя, а церковь ему достроить не пришлось — он умер. Даже отцу Мономаха, Всеволоду, святые князья не очень помогали; он достроил храм, а тот взял да обрушился. Лазарь не делает этих прямых выводов, но он мастерски подводит к ним, и они естественно возникают у читателя. Так создается теневой фон для лучезарной и сказочной фигуры доброго, праведного Мономаха, на которую как бы падают яркие блики от сверкания золота, серебра и хрусталей его кивория над гробницами Бориса и Глеба в Вышгородском соборе.

Третьей важнейшей социально-политической темой «Сказания» является пропаганда общерусского, национального значения культа Бориса и Глеба. Они уподобляются забралам крепости, охраняющей Русскую землю, они помогают князьям побеждать «поганых» — они обоюдоострые мечи в борьбе с половецкой однолезвийной саблей. Эта мысль «Сказания» была также созвучна чаяниям народа, страдавшего от нашествий степняков. В этой же связи Лазарь осуждает усобицы — «пусть будут чужды нам усобные брани». Это все мысли, откликающиеся на злободневные политические темы современности — борьбу за целостность распадавшегося под неумо-

¹⁴¹ Патерик Киево-Печерского монастыря, стр. 106.

¹⁴² Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет»... стр. 321.